

Он отложил кисть в сторону и, поднявшись, уже собирался продолжить, как вдруг раздался стук в дверь.

Затем снаружи послышался тихий голос:

— Ванъе, Ванфэй направляется прямо сюда. Приказать её остановить?

Фу Сюнь на мгновение замер.

Он нахмурился. Сначала он хотел велеть её остановить, но тут же вспомнил холодный взгляд Ли Юй, и на душе стало беспокойно.

Он тихо вздохнул и жестом велел человеку в синем уйти:

— Не надо останавливать.

Он снова сел на стул, только успел принять невозмутимый вид, как прозвучало объявление, а затем кто-то осторожно постучал.

Фу Сюнь слегка приподнял брови:

— Входи.

Ли Юй толкнула дверь и вошла в кабинет.

На ней был парадный наряд Ванфэй, который надевают лишь на самые торжественные церемонии, волосы были безупречно уложены в причёску, что в сочетании с её далеко не идеальным лицом придавало ей странную величавость.

Фу Сюнь только собрался спросить, зачем она пришла, как Ли Юй уже наклонилась и с хлопком положила перед ним лист бумаги.

Лицо Фу Сюня мгновенно изменилось.

Это было прошение о разводе.

Фу Сюнь поднял голову, его губы слегка изогнулись, но в глазах не было ни капли веселья. Он отодвинул бумагу подальше:

— Что это значит, Ванфэй?

Ли Юй улыбнулась:

— Разве Ванъе не говорил, что скрывает от меня кое-что ради моего же блага?

Она слегка опустила голову, прижимая бумагу к столу, её голос звучал тихо и медленно, словно с улыбкой:

— Я хорошенько подумала. Замыслы Ванъе слишком велики, и, став вашей женой, я неизбежно окажусь втянута в это дело.

Она снова пододвинула прошение ближе:

— Если Ванъе действительно желает мне добра, то должен отпустить меня.

Ли Юй подняла взгляд и увидела, что Фу Сюнь сжимает в руке кисть. Она чуть склонила голову, улыбаясь:

— Раз уж у Ванъе в руках кисть, просто подпишите.

Она подалась вперед, и прошение двинулось следом за ней к Фу Сюню.

Тот внезапно поднял руку, нажал ей на плечо и нахмурился:

— Что за глупости ты творишь!

Ли Юй склонила голову набок, некоторое время невинно разглядывала его, а затем с улыбкой ответила:

— Разве я творю глупости?

Её голос звучал легко и непринужденно, в нем не было ни гнева, ни шутливости, лишь полная серьезность.

Фу Сюнь впервые внимательно посмотрел на свою Ванфэй.

Даже если не обращать внимания на шрамы и веснушки, она все равно не была красавицей, но её глаза — черные, как смоль, и сверкающие, словно драгоценные камни — приковывали взгляд.

Этот прекрасный взгляд был устремлен прямо на него, словно глубокая темная ночь, готовую поглотить его душу.

Фу Сюнь сам не понял почему, но внезапно занервничал.

Он невольно смягчил голос:

— Юй-юй, не дури. — Он поднял руку и погладил её по голове. — Наши имена уже внесены в Нефритовую таблицу, твой отец тоже не согласится.

Ли Юй молча смотрела на Фу Сюня.

Он нашел столько причин, почему развод невозможен, но... ни одна из них не была связана с ним самим.

Ли Юй внезапно улыбнулась.

Она села на край стола, наклонилась так низко, что кончик её носа почти коснулся его щеки, и тихо произнесла:

— Ванъе боится, что после развода у вас не останется рычагов давления на генерала Цинь Мяня?

Пока она остается женой князя Нин, Цинь Мянь вынужден мириться с риском разоблачения подмены невесты и стоять с Фу Сюнем на одной стороне.

Фу Сюнь нахмурился:

— Нет...

Ли Юй подняла руку и кончиком пальца коснулась его губ:

— Я не стану затруднять Ванъе.

Она слегка приподняла брови, взгляд её стал холодным:

— Раз сейчас развестись неудобно, то подожду, пока дела Ванъе не завершатся, и тогда приду снова.

Ли Юй спрыгнула со стола, схватила прошение, обернулась и улыбнулась Фу Сюню:

— Я больше не буду интересоваться делами Ванъе, и прошу вас отозвать людей, которых вы приставили следить за мной.

Сказав это, она, не оглядываясь, вышла из кабинета.

Лин-дан обеспокоенно спросила:

— Ты правда бросишь господина?

— Брошу, как же, — Ли Юй насупилась, настроение было скверным. Она аккуратно сложила бумагу и спрятала в рукав. — Раз уж я здесь, чтобы излечить его душевные раны, я его не оставлю.

— Тогда зачем ты просила о разводе? — недоумевала Лин-дан.

Ли Юй дернула рукавом и вдруг разозлилась:

— Захотелось, нельзя, что ли?

Она знала, что её положение невысоко, но даже у самой скромной особы есть гордость. Он раз за разом показывал, что не собирается доверять ей свои планы, защищаясь от неё как от врага. Если человек ведет себя подобным образом, разве может она сама навязываться?

Лин-дан не понимала:

— Но мне кажется, господин так хорошо к тебе относится... — Оно принялось перечислять: — Присылал лекарства, носил на спине, отдавал свою одежду...

— Нужно понимать, что хорошо относиться к кому-то — это слишком просто, — перебила его Ли Юй. — Будь то искренние чувства или скрытый умысел, быть добрым — несложная задача.

Ли Юй опустила взгляд, голос её звучал тихо.

Он постоянно дразнил её, давал понять, что она ему нравится, но... не желал дать самого важного — доверия.

Ли Юй моргнула, смахнула слезинку в уголке глаза и закусила губу:

— В этом мире его главная душевная травма, скорее всего, связана с тем пожаром.

Она спокойно продолжила размышлять:

— Когда в Императорском кабинете на Императора напал убийца, это была инсценировка самого Императора, чтобы проверить реакцию Фу Сюня. Фу Сюнь всё видел, но притворился слепым во время того пожара. Скорее всего, он что-то увидел в огне.

Что нужно было увидеть в огне восьмилетнему ребенку, чтобы притвориться слепым, и что нужно было сделать отцу, чтобы проверять собственного сына?

— Тот пожар, скорее всего, был устроен по приказу Императора. Наложница Мэй могла погибнуть не в огне, а от его рук. Фу Сюнь видел всё это, поэтому и притворился слепым.

Ли Юй немного помолчала, сопоставила недавние действия Фу Сюня и пришла к абсурдному выводу:

— Он хочет избавиться от всех принцев?

Она собралась размышлять дальше, как Лин-дан подало голос:

— Хозяйка, ты наконец вспомнила про его душевную рану?

— Я всё время об этом помнила, — ответила Ли Юй, склонив голову. — Просто раньше хотела сделать кое-что другое.

— И ты это сделала? — спросило Лин-дан.

Ли Юй опустила глаза и безразлично пнула камешек:

— Нет, не буду делать.

Она обернулась, бросила взгляд на закрытую дверь кабинета и, опустив голову, больше не проронила ни слова.

Фу Сюнь сидел перед столом, тупо глядя на кисть, и постоянно тыкал ею в лежащую перед ним бумагу. Он так и не понял, почему Ли Юй потребовала развода.

Нахмурившись, он посмотрел на испорченный лист, скомкал его и бросил в корзину.

Он встал, сомневаясь, не пойти ли к ней, как услышал стук в дверь.

Глаза Фу Сюня загорелись, он почти бегом бросился к двери и распахнул её.

Человек в синем, уже занесший руку для стука, замер.

— Ванье?

Фу Сюнь опустил руку, его взгляд мгновенно погас. Он бросил на вошедшего холодный взгляд и вернулся в комнату.

Человек в синем опешил, чувствуя, что его только что отвергли. Он покачал головой, отгоняя эту мысль, и вошел следом.

Он поклонился, собираясь доложить о делах, как вдруг услышал вопрос Фу Сюня:

— Помнится, у тебя в семье всё ладно?

Человек в синем замялся. Подумав, он тихо ответил:

— Да. — И добавил: — У жены иногда бывает плохое настроение.

Фу Сюнь слегка приподнял бровь и, словно невзначай, спросил:

— И как ты её успокаиваешь, когда она злится?

Человек в синем никак не ожидал такого вопроса.

— Это... — он нахмурился, колеблясь, но всё же вынужден был ответить: — Моя жена кроткая и внимательная, она никогда не злится на меня.

— У кого не бывает размолвок? — не поверил Фу Сюнь. — Что ты скрываешь?

Человек в синем не ожидал, что Фу Сюнь будет так настойчив. Он не знал, плакать или смеяться, и, вздохнув, сказал:

— Почему Ванье так заиклился на этом? — Тут он вспомнил, что Ванфэй недавно приходила,

и всё понял.

Он украдкой взглянул на лицо Фу Сюня и осторожно произнес:

— Моя жена действительно иногда злится, но ведь... супруги мирятся в постели, разве бывает обида, которая длится дольше ночи...

Уши Фу Сюня покраснели.

Он прищурился и прошептал:

— Мирятся в постели?

Фу Сюнь сразу вспомнил тот день под обрывом, мягкие и холодные губы и изящные изгибы её тела.

Он сжал губы и, чувствуя неловкость, потер ухо:

— Нет других способов?

Человек в синем замер:

— Можно подарить какую-нибудь безделушку. Купить украшение, о котором она мечтала, или отрез ткани, если нет — какую-нибудь редкую вещицу, Ванфэй, должно быть...

— Кто сказал, что речь о Ванфэй? — резко прервал его Фу Сюнь.

Человек в синем тихо кашлянул и замолчал.

Фу Сюнь отвернулся, осознав, что был слишком резок, и поджал губы. Помолчав, он не стал продолжать расспросы и сухо произнес:

— Действуйте по плану, следите за Цинь Мянем.

Фу Сюнь нахмурился:

— У меня есть компромат на него, он вынужден был одолжить мне половину Тигриной печати, но нет гарантии, что он не передумает.

Он постучал пальцами по столу:

— Получу печать — лишу Цинь Мяня жизни.

Фу Сюнь хотел продолжить, но вдруг запнулся. Он нахмурился и лишь спустя долгое время тихо вздохнул:

— Ладно, следи за ним. Как получишь печать, просто заточи его, не убивай.

Даже если Цинь Мянь плохо относился к Цинь Юй, он всё же её отец.

Фу Сюнь встал и велел человеку в синем:

— Остальное выполняйте по плану.

Дождавшись, пока тот исчезнет во дворе, он резко поднялся.

Раздраженно взглянув на исписанные листы, он махнул рукой в пустоту:

— Что сейчас делает Ванфэй?

Человек в черном опустился на колени:

— Докладываю, господин. Ванфэй отослала служанку и сидит в комнате одна.

Фу Сюнь нахмурился:

— Просто сидит?

Тот кивнул, помедлил и добавил:

— У Ванфэй, кажется, красные глаза.

Фу Сюнь сжал кулаки. Он сделал шаг к выходу, но тут же остановился.

Долго стоял в молчании, а затем глухо спросил:

— Ты знаешь, что любят девушки?

Тайный страж растерялся.

Фу Сюнь тихо приказал:

— Купи что-нибудь и отправь к ней во двор. И ещё... — он посмотрел на тихий двор за окном, — больше не ограничивайте её свободу, просто охраняйте.

Покушение на принца — дело серьезное. Что бы ни думал Император, ради величия династии он был обязан дать объяснение, и как можно быстрее.

Во дворце быстро нашли козла отпущения, и дело закрыли за два дня.

Только вот шестой принц оказался под домашним арестом.

Все при дворе всё прекрасно понимали, но никто не осмеливался говорить вслух, лишь шептались по углам:

— Шестой принц совсем страх потерял: покушался на князя Нин и Наследного принца, да ещё и посмел свалить вину на князя Нин...

Все были уверены, что знают правду, и только сам шестой принц, запертый в своем поместье, пребывал в полном недоумении.

Он не знал, что произошло, и почему после пробуждения вдруг стал убийцей собственных братьев.

Он невинно смотрел на Императора и рыдал:

— Отец, о чем вы говорите? Я этого не делал!

Император смотрел на него тяжелым взглядом:

— До сих пор не признаешься?

— Как я могу признаться в том, чего не делал! — почти кричал он. — Это кто-то меня подставил! Вы же знаете меня, разве у меня хватило бы духу на такое!

Шестой принц был любителем женского общества и проводил дни в неге. Если бы не улики, Император и сам не поверил бы, что этот пустоголовый сын мог стоять за кулисами.

— Если не ты, то кто? — холодно спросил Император.

— Это... — принц замялся, решив, что Император ему поверил, и обрадовался: — Может, третий брат! Или восьмой!

Он принялся перечислять всех братьев подряд, с надеждой глядя на отца.

Император холодно хмыкнул:

— А где ты был позавчера?

— Позавчера? — принц задумался и наконец вспомнил: — Я был в Ихунъюане с Сяо Цуй...

— Сяо Цуй из Ихунъюаня? — лицо Императора помрачнело, он бросил на пол перед сыном пачку бумаг. — Ты до сих пор пытаешься лгать! Сяо Цуй умерла полмесяца назад!

Император повысил голос, с разочарованием посмотрел на коленопреклоненного сына, покачал головой и вышел.

Шестой принц стоял на коленях, не в силах осознать услышанное.

Он дрожащими руками поднял бумаги, просмотрел их и прошептал:

— Сяо Цуй умерла полмесяца назад? Невозможно! Невозможно!

Он увидел имя, вскрикнул и отшвырнул бумаги:

— Она ведь была со мной!

Он дрожал от ужаса, бормоча:

— Тогда... кто та Сяо Цуй?..

— Хочешь знать?

В комнате внезапно раздался нежный голос, слышались легкие шаги.

Шестой принц со страхом посмотрел в ту сторону.

Он увидел лишь полы синего платья и изящную руку.

Эта рука слегка взмахнула перед его глазами, и голос снова прозвучал, с легким вздохом:

— Спроси об этом в Желтых источниках.

Император сидел в паланкине, взгляд его был тяжел.

Главный евнух, идя рядом, осторожно поглядывал на него и, помедлив, прошептал:

— Ваше Величество, раб полагает... в этом деле есть подвох...

Император хмыкнул:

— Если бы я действительно подозревал его, отделался бы он только домашним арестом?

Своих сыновей он знал. Шестой принц всегда был бездарностью, кроме кутежей ни на что не годился. Тот, кто подставил его, хотел заставить Императора поверить, что шестой принц годы притворялся, но...

Здоровье шестого принца было подорвано распутством — это факт. Тот, кто не может совладать с собственными желаниями, разве мог бы годами обманывать всех и спланировать такую игру?

Он посадил его под арест: во-первых, чтобы усыпить бдительность настоящего кукловода, во-вторых...

Раз уж он такой глупец, что позволил себя подставить, пусть посидит и подумает!

Император немного повернул голову и медленно сказал:

— В поместье третьего принца.

У Императора было двенадцать детей, не считая рано умерших и принцесс, остались лишь Наследный принц, третий, шестой, седьмой и восьмой.

Император прищурился.

Паланкин изменил курс и вскоре прибыл на место.

Император явился внезапно. Третий принц в спешке выбежал встречать отца, совершил глубокий поклон и взволнованно спросил:

— Отец, как вы нашли время навестить меня?

Император отослал слуг и подошел к стоящему на коленях сыну.

Он слегка наклонился и произнес зловещим шепотом:

— Почему ты решил погубить своих братьев?

Третий принц в ужасе поднял голову:

— Что?! Почему вы так говорите? — его лицо выражало удивление и растерянность.

Вспомнив недавний скандал, который удалось замять, он тут же начал оправдываться:

— Я никогда не делал ничего подобного!

Император молча смотрел на него, его выражение было нечитаемым.

Третий принц не знал, поверил ли ему отец, и занервничал.

Он хотел объяснить снова, но снаружи раздался стук, а затем — испуганный голос главного евнуха:

— Ваше Величество! Ваше Величество!

Император нахмурился, бросил взгляд на коленопреклоненного сына и холодно произнес:

— Войди.

Евнух вбежал, не глядя на принца, склонился к уху Императора и прошептал:

— Ваше Величество, восьмой принц... мертв.

Глаза Императора расширились.

Он стиснул зубы, сжал кулаки и, забыв о третьем принце, поспешно вышел из поместья.

<http://bllate.org/book/21628/2231483>